

О МИНИМАЛИСТСКОМ ПОНИМАНИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОБЯЗАННОСТИ*

Л. КЭЛЕР, доктор права, доктор философии, профессор юридического факультета Бременского университета (Бремен, Германия), e-mail: lkaehler@uni-bremen.de

Перевод с английского языка

В.В. ОГЛЕЗНЕВА, доктора философских наук, профессора юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия); ведущего научного сотрудника Горно-Алтайского государственного университета (Горно-Алтайск, Россия), e-mail: ogleznev82@mail.ru

В статье предлагается минималистское понятие юридической обязанности, основанное не на лингвистических или догматических подходах, а на рациональной реконструкции, опирающейся на универсальные основания. Автор выделяет три необходимых признака юридической обязанности: отсылка к действию, указание на обязанное лицо и наличие нормативного требования. Эти признаки позволяют отличать обязанности от описаний фактов и от ситуаций вынужденности. Статья также демонстрирует, что такие свойства, как наличие адресата, установление обязанности субъектом или возможность санкции, не являются необходимыми, хотя и часто сопутствуют обязанностям. Такой подход позволяет охватить широкий спектр юридических феноменов и избавиться от ненужных метафизических предпосылок. Обязанности трактуются как онтологически идеальные сущности, не сводимые к физическим объектам.

Ключевые слова: юридическая обязанность, онтологическая идеальность, нормативное требование, обязанное лицо, действие, санкционируемость, естественные обязанности, позитивное право, концептуальный анализ.

1. Рациональное конструирование юридической обязанности

Чтобы понять природу юридической обязанности, как и любого другого теоретического понятия, необходимо установить ее необходимые и достаточные признаки. Только после этого возможно обсуждать, имеет ли место в том или ином случае обязанность или долг¹, а также принадлежит ли, например, наличие санкции всем видам обязанностей или лишь некоторым из них. Существует три подхода к выявлению таких признаков, каждый из которых имеет свои ограничения. Первый исходит из того, что слово «обязанность» означает в конкретном языке. В этом случае необходимо установить, с каким намерением носители языка употребляют данный термин, и какую функцию он выполняет в системе естественного языка.

Хотя этот подход позволяет выявить внутреннюю логику лингвистических практик, он остается ограниченным самим употреблением языка. Устанавливая, что понимается под обязанностью, мы тем самым не отвечаем на вопрос, чем она является на самом деле, поскольку обязанности могут обладать такими свойствами, которые до сих пор оставались незамеченными и, следовательно, не вошли в языковое определение данного понятия. К примеру, может оказаться, что всякая

© Л. Кэлер, 2025

* Перевод выполнен по изданию: Kaehler L. Towards a Minimal Concept of Legal Obligation. Theories of Legal Obligation. D. Beyleveld, S. Bertea (eds.). Springer, 2024. P. 7–26.

Публикуется с разрешения автора.

¹Эти два понятия далее будут использоваться как взаимозаменяемые.

обязанность соответствует определенному субъективному праву, хотя это и не подразумевается самим словоупотреблением. Следовательно, полное понимание обязанности невозможно получить исключительно средствами лингвистического анализа. В конечном счете, теория права не сводится к лексикографии [9, р. 21; 6, р. 4].

Второй подход заключается в анализе понятия обязанности в рамках определенной правовой системы. В этом случае необходимо исследовать, какие обязанности существуют в конкретной правовой системе, и выяснить, обладают ли они общими признаками. Такой анализ может быть продуктивным, поскольку правовые системы, как правило, содержат так много разных обязанностей, что выявление общих признаков позволяет получить представление об их общей природе. Совпадение таких признаков вряд ли будет случайным.

Однако если анализ ограничивается лишь одной правовой системой, тогда невозможно с уверенностью утверждать, что эти признаки характерны исключительно для нее или что они встречаются и в других правовых системах. Также без дополнительных аргументов невозможно установить, являются ли выявленные признаки необходимыми, или они просто случайно присутствуют у всех них. И наоборот, признак, который отсутствует у всех обязанностей данной правовой системы, вполне может проявиться в будущем; поэтому из его текущего отсутствия нельзя заключить, что он принципиально не свойственен понятию обязанности. Аналогичным образом, правовая система может предписывать лишь определенные виды обязанностей и по прагматическим соображениям исключать другие, чье отсутствие никак не связано с самим понятием обязанности. Так, например, может оказаться, что в данной правовой системе обязанности всегда сопровождаются санкцией, хотя они по-прежнему могут считаться обязанностями и без нее. Таким образом, теория права не может ограничиваться случайными признаками одной правовой системы и не должна сводиться к догматическому изучению лишь законодательства.

Но если ни язык, ни правовая система не дают достаточного основания для понимания обязанности, что же тогда его дает? На каком основании можно построить понятие юридической обязанности? Третий подход стремится избежать упомянутых трудностей, предлагая исследовать природу обязанности исходя из предположения, что существует некое естественное понятие обязанности, действительно во все времена, во всех местах и во всех правовых системах.

Однако этот подход отличается избыточной требовательностью. Он предполагает, что существует лишь одно естественное понятие обязанности, а не множество понятий, из которых разные языки и правовые системы могут выбрать какое-то конкретное. Это допущение трудно обосновать, поскольку, по меньшей мере, можно представить разные концепции обязанности, причем как узкие, так и широкие. Остается неясным, на каком основании можно выбрать одно из них и признать его «естественным» или «верным», если исключить из рассмотрения конкретный язык и правовую систему. Как можно быть уверенным, что определенное понятие действительно применимо всегда и везде?

К счастью, альтернатива между понятием обязанности, ограниченным рамками одной правовой системы, и естественным понятием, действительно во все времена и во всех местах, не является исчерпывающей. Потому что возможно использовать современные правовые системы и их языки в качестве отправной точки, чтобы затем на этом фоне задаться вопросом: какое общее понятие обязанности представляется наиболее правдоподобным? Такое понятие может опираться на уже сложившееся понимание, но при наличии убедительных причин также может от него отклониться. Таким образом, именно причины, а не случайные факты, связанные с конкретной системой или языком, оказываются в итоге решающими.

Суть данного подхода заключается в том, что *можно* воспользоваться лингвистическими практиками, пониманием и различиями, характерными для конкретного языка или правовой системы, если только не существует убедительных причин этого не делать. Таким образом, юридический и повседневный опыт может способствовать построению общего понятия юридической обязанности, не устанавливая его границ. Основанием такого понятия должны служить причины, обладающие универсальной применимостью, которые сделают его наиболее убедительным. Именно благодаря своей универсальности такие причины не зависят от конкретной правовой системы или языка, хотя и должны быть с ними соотношены. Ведь если теория не распространяется на норму, в которой обычно содержится обязанность, необходимо либо изменить теорию, либо доказать, что это восприятие ошибочно.

Такая аргументативная конструкция и будет предложена в данной статье. На фоне современных правовых систем будут рассмотрены признаки, которые можно обосновано признать необходимыми и достаточными для существования обязанности. Этот подход отличается от концептуального анализа, по крайней мере в его традиционном понимании [19], поскольку не предполагает уже готового понятия, которое нужно просто проанализировать. Напротив, конструкция, основанное на причинах, допускает возможность формирования нового понятия, если для этого имеются убедительные основания. Следовательно, наиболее убедительное понятие обязанности вовсе не обязательно должно быть традиционным или общепринятым.

Поскольку ключевой вопрос для любого понятия заключается в том, каковы его необходимые и достаточные признаки, структура статьи выстроена следующим образом. Сначала рассматриваются четыре необходимых признака юридической обязанности: ее онтологическая идеальность, направленность на действие, адресация дееспособному субъекту и ее нормативный характер. Затем, чтобы проверить, являются ли эти признаки также достаточными, рассматриваются дополнительные признаки, которые нередко считаются необходимыми, например, наличие лица, в интересах которого обязанность исполняется, и санкции за неисполнение обязанности. В третьей части обосновывается, что эти дополнительные признаки, несмотря на их распространенность, не являются необходимыми, в результате чего разрабатываемое понятие оказывается сравнительно минималистским по своим требованиям. Это в свою очередь позволяет уловить суть понятия обязанности, не размывая его практиками, которые, по прагматическим соображениям, используют лишь некоторые типы обязанностей, исключая другие.

Таким образом, цель предлагаемой конструкции не просто получить определение ради определения, а выявить и прояснить те причины, которые действительно имеют решающее значение. Именно потому, что эти причины позволяют отвечать на спорные вопросы, касающиеся природы юридических обязанностей, они и приобретают первостепенную важность.

2. Необходимые признаки

2.1. Онтологическая идеальность

Чтобы понять природу юридической обязанности, прежде всего необходимо определить, к какому типу сущностей она принадлежит. Здесь важно, рассматривается ли обязанность как разновидность социальной практики или же как абстрактный объект. Примечательно, что обязанность может возлагаться на лицо без какой-либо физической связи с ним или с ситуацией, в которой оно находится. Например, закон может установить, что работодатели имеют определенные обязанности по отношению к своим работникам. Эти лица несут обязанность независимо от того, насколько они физически удалены от законодателя или имеют ли они какое-либо отношение к месту принятия соответствующего акта. Обязанность может возлагаться и на будущих работодателей. Следовательно, представление о том, что обязанность полностью или частично обусловлена физической связью с регулируемой ситуацией, оказывается несостоятельным.

Эта независимость от физического мира – одна из причин, по которой юридические обязанности необходимо понимать как нематериальные, даже если они возникают в законодательных актах, основанных на материальных фактах. Обязанности не могут быть ограничены рамками физического мира. Они применяются к ситуациям, которые могут возникнуть в будущем. В этом отношении они схожи с другими правовыми сущностями, такими как субъективные права или нормы. Все они являются нематериальными и способны отсылать к состояниям дел, которые могут либо реализоваться, либо не реализоваться. Если бы это было не так, возможность нормативного регулирования была бы серьезно ограничена. К примеру, обязанности перед будущими поколениями были бы в принципе невозможны из-за отсутствия какой-либо физической связи с ними.

Нематериальный характер обязанностей проистекает из того, что они имеют пропозициональное содержание, частью которого является указание на требуемое действие или воздержание от него. Хотя сами действия или бездействия, как правило, имеют физическую природу, отсылка к ним в составе нормы все же нематериальна. Даже если обязанность выражена средствами конкретного языка, ее содержание – это пропозиция, которая не зависит от языка выражения и которую можно сформулировать иными средствами. Именно поэтому обязанность должна рассматриваться как

обладающая пропозициональным содержанием. При этом не имеет значения, соответствует ли реальность тому положению дел, на которое обязанность указывает. Обязанность может существовать даже в том случае, если предписанное действие не было совершено или никогда не будет совершено. Смысл обязанности как раз и заключается в том, чтобы указывать на такие положения дел, которые должны возникнуть, но в данный момент отсутствуют.

Хотя указание на предписываемое действие не является частью физического мира, формулировка обязанности обычно воплощается в каком-либо материальном носителе. Это может быть камень, на котором высечена норма, или экран компьютера, на котором она отображается. Обязанность, скажем, не превышать скорость 50 км/ч в черте города, зачастую фиксируется письменно, выводится на экран или изображается на дорожных знаках. Однако обязанность содержится не в бумаге, не в чернилах и не в каком-либо ином материальном объекте, а в смысле, который приписывается словам, нанесенным на эти объекты. Именно этот смысл, отличный от материального средства его выражения, и составляет пропозициональное содержание, идентичное самой обязанности.

После того как обязанность возникла, ее дальнейшее существование не зависит от конкретного материального объекта, с помощью которого она была зафиксирована. Юридическая обязанность сохраняет силу даже тогда, когда слова, с помощью которых она была сформулирована, исчезли. Если утерян лист бумаги, на котором был записан договор, это не означает, что согласованные обязанности прекращаются. Точно так же сожжение юридических документов не уничтожает само право или вытекающие из него обязанности, хотя и может затруднить их реализацию. Все это возможно лишь потому, что обязанности обладают пропозициональным содержанием, которое неподвластно физическому уничтожению, в отличие от материального объекта, в котором оно может быть выражено.

В этой связи может возникнуть соблазн рассматривать обязанности как абстрактные объекты [23]. Хотя понятие «абстрактный объект» пользуется определенной популярностью среди правоведов [17; 12, p. 124], такая характеристика применительно к правовым сущностям, таким как обязанности, представляется сомнительной. Это связано с тем, что обязанности нельзя абстрагировать от каких-либо конкретных объектов. Так, обязанность не превышать скорость 50 км/ч в черте города не является результатом абстрагирования от автомобилей, которые, в силу соблюдения этой нормы, действительно едут медленнее. Даже если бы автомобили двигались быстрее или вообще находились за городом, установленное ограничение скорости продолжало бы действовать. Эта обязанность не содержится в акте вождения как таковом; скорее, она является частью мотивации водителей, почему они не превышают скорость. Но и сама мотивация не представляет собой то, от чего можно абстрагировать обязанность, а является лишь возможным воплощением ее пропозиционального содержания.

В этом отношении обязанности отличаются от таких абстрактных объектов, как цвета или числа, которые, по крайней мере на первый взгляд, могут быть абстрагированы от конкретных вещей. Цвет «красный» можно рассматривать как абстрагирование от всех красных предметов, а число 3 – как абстрагирование от всех множеств, содержащих три элемента. Абстрактные свойства, подобные цвету, обнаруживаются в конкретных предметах и связаны с ними. Такой корреляции не обнаруживается у юридических обязанностей и права в целом [9, p. 25]. Обязанности не соотносятся с регулируемым поведением, как цвет «красный» соотносится с красными вещами. Они не являются частью физического события, а устанавливают, что должно в нем произойти.

Именно по этой причине понятие «абстрактный объект» не может быть без серьезной адаптации применено к таким нормативным феноменам, как обязанности. Более уместным будет рассматривать их как «онтологически идеальные» (*ontologically ideal*) или «идейные» (*ideational*) сущности. Однако такая онтологическая идеальность отличается от эстетической или нормативной, поскольку она не требует ни идеального содержания, ни совершенной формы. Даже жестокие или бюрократические сформулированные нормы являются онтологически идеальными, поскольку, как и любые другие нормы, они нематериальны и обладают пропозициональным содержанием. Отсюда вытекает важное различие между моральной или эстетической идеальностью и онтологической идеальностью, которое соответствует различию между понятиями идеального или идейного во многих языках².

² «Идеальный» и «идейный» в русском языке, «ideal» и «ideational» в английском, «idéal» и «idéelle» во французском, «ideal» и «ideell» в немецком.

Онтологическая идеальность помогает также ответить на вопрос: являются ли обязанности независимыми от мышления, и если да, то в каком смысле? В терминологии Фреге, обязанности можно назвать «мыслями» (*thoughts*). Однако тогда, следуя Фреге, необходимо различать их не только с физическими объектами, но и с ментальными образами [7, p. 69]. В этом контексте «мысли» – это не реальные ощущения и не ментальные образы, а пропозициональное содержание, которое может как воплощаться в них, так и не воплощаться. Различие между физическими и идейными мыслями имеет принципиальное значение для юридических обязанностей, поскольку их нормативная сила существенно ослабла бы, если бы она зависела от актуального представления о них в сознании одного или нескольких субъектов. Родители, к примеру, обязаны заботиться о своих детях, даже если ни они сами, ни их дети, и ни кто-либо в данный момент об этом не думает.

Точно так же, право на возмещение ущерба в случае нарушения обязанности не исчезает лишь потому, что в момент нарушения никто об этой обязанности не вспомнил. Напротив, то, что об этом никто не вспомнил, может как раз и объяснить, почему обязанность была нарушена. Обязанности как «мысли» (по Фреге) обладают определенным пропозициональным содержанием, которое не обязательно совпадает с чьей-либо конкретной мыслью. То же справедливо и в отношении чисел и других идеальных объектов: число 3 не исчезает от того, что никто о нем не думает. В вопросе своего существования обязанности, следовательно, являются независимыми от мышления.

В отношении этой независимости возможно выдвинуть следующее возражение: в момент создания обязанности о ней кто-то должен был знать. Обязанность, о которой никто никогда не узнает, не может иметь практического эффекта и, следовательно, не способна выполнять регулятивную функцию права. Однако вопрос здесь состоит не в условиях возникновения обязанности, а в ее свойствах после того, как она возникла. Даже если для создания обязанности необходим сознательный акт, сама обязанность может существовать независимо от того, думает ли кто-то сейчас о ней. Здесь важно различать акт установления обязанности и саму обязанность как его продукт [16, p. 2]. Хотя акт создания обязанности требует материальной формы и, возможно, сознательных усилий, эти характеристики не присущи самой обязанности. Более того, нормативная сила обязанностей отчасти и объясняется их независимостью от материального носителя. В отличие от физических объектов, обязанности невозможно уничтожить физически. В этому поводу можно было бы сказать: *Cum grano salis*, или словами Бернарда Уильямса: «только обязанность может победить обязанность» [24, p. 187].

Обязанности нередко фигурируют в обыденной речи как объекты, к которым можно указать и которые можно «иметь». Так, например, говорят, что у кого-то есть обязанность, и далее уточняют ее содержание. На первый взгляд, это напоминает описание материальных объектов, таких как деревья или автомобили, которые можно «иметь» и описать с помощью различных признаков, например, быть красным. В этом смысле иметь обязанность – почти то же самое, что иметь автомобиль или какой-либо иной физический предмет: в каждом случае предполагается наличие объекта, которому можно приписывать дальнейшие характеристики.

Однако такое понимание обязанностей как объектов может ввести в заблуждение, поскольку упускается из виду, что обязанность не является ни материальным объектом, ни субстанцией, которую можно рассматривать независимо от ее свойств. Иметь обязанность – это не что иное, как быть обязанным. Сказать, что некое лицо несет обязанность ϕ , – то же самое, что сказать: оно должно совершить ϕ . Вместо фразы «у него есть обязанность» можно просто сказать: «он обязан». При этом не теряется никакая информация, поскольку использование существительного вместо глагола или наоборот не добавляет ничего нового в пропозициональное содержание. Не существует такой «обязанности», которая сохранилась бы, если исключить сам признак – быть обязанным.

Разумеется, это не означает, что дискурс об обязанностях как об объектах является ложным. Можно ссылаться на них как на онтологически идеальные объекты, описывать их свойства, например, наличие санкции. Однако не следует позволять языковой форме вводить в заблуждение: из того, что о чьей-то обязанности говорится как о «предмете обладания», не следует, что обязанность – это вещь, которой можно обладать так же, как материальным объектом. Это может быть лишь сокращенным обозначением того факта, что кто-то является обязанным. Но такое сокращение, как и его лингвистическая функция в структуре предложения, не делает обязанность объектом в онто-

логическим смысле. Возможно, как предлагал Карнап [3, р. 205], уместнее было бы говорить не об «объектах», а об «абстрактных сущностях», поскольку это позволяет избежать недоразумения, будто существует объект без определенного свойства.

Однако если следовать определению объекта как «потенциального референта сингулярного термина» [1, р. 142], то юридические обязанности можно считать объектами: ведь они могут быть обозначены с помощью сингулярных терминов, например, через ссылки на конкретные положения закона, выступающие в роли собственных имен. Так, можно сослаться на п. 2 ст. 433 Германского гражданского уложения, чтобы утверждать, что по закону покупатель обязан уплатить согласованную цену товара. Аналогичным образом обязанность можно рассматривать в сингулярных терминах, если при этом используется время и место ее возникновения. Например, можно рассматривать в качестве обязанности требование уплатить определенную сумму по договору, заключенному 2 ноября между А и В в Лондоне. Эти примеры показывают, что обязанности могут быть референтами сингулярных терминов. Это не удивительно: большинство норм права (если не все) возникли в конкретный момент времени и в определенном месте, и, следовательно, могут быть описаны в сингулярных терминах, указывающих на эти обстоятельства.

Эта возможность гораздо менее очевидна для обязанностей, которые не были созданы законодательством, а либо вытекают из (предположительно) вечных норм естественного права, либо предполагаются каждой правовой системой. Например, всеобщая обязанность соблюдать законы вряд ли может быть индивидуализирована с помощью сингулярного термина, поскольку она не возникла в конкретное время и в определенном месте и не имеет собственного имени. При этом не так важно, действительно ли такая обязанность существует и входит ли она в состав конкретной правовой системы или даже права как такового. Достаточно того, что можно обсуждать ее существование на основании допущения, что ее можно каким-то образом идентифицировать. Даже те, кто отрицает ее действительность, должны на нее ссылаться, хотя и не могут использовать для этого сингулярные термины.

Это, на первый взгляд, приводит к затруднению: одни обязанности можно обозначать сингулярными терминами и, по предложенному определению, они будут объектами, в то время как другие – нет. Но такая позиция выглядит неудовлетворительной, поскольку статус объекта настолько фундаментален для любой сущности, что он не может зависеть от других ее признаков. Если нечто является объектом, это должно быть справедливо для всех его проявлений, а не только для некоторых. Странно было бы, если бы некая сущность в одних случаях была объектом, а в других – нет. Быть объектом не такая характеристика, как, скажем, цвет, который может изменяться, не затрагивая сущность самой вещи. Это указывает на два возможных вывода: либо определение объекта следует пересмотреть, чтобы оно охватывало и те обязанности, которые нельзя индивидуализировать, либо быть объектом не является существенным свойством обязанности.

Так или иначе, если известно, что кто-то обязан, никакой новой информации не прибавляется от того, что говорится, будто у него есть обязанность. В отличие от случая с материальными объектами, из факта, что нечто является онтологически идеальным объектом, не следует, что оно имеет вес или занимает место в пространстве и времени. Это еще раз подтверждает, насколько важно понимать, что обязанности ввиду своего пропозиционального содержания нематериальны и потому онтологически идеальны. Они настолько радикально отличаются от материальных объектов, что включение их в ту же категорию «объекта» скорее запутывает, чем проясняет. Что касается их онтологического статуса, то достаточно признать, что обязанности, так же как числа, истории и иные идеи, являются онтологически идеальными сущностями.

2.2. Направленность на действие

Как только становится ясно, что обязанности обладают пропозициональным содержанием, возникает следующий вопрос: в чем именно заключается это содержание? Минимальным условием существования обязанности является то, что некое действие должно быть совершено или, напротив, не должно быть совершено. Это прежде всего предполагает указание на действие, которое предписано как обязательное или запрещенное. Ключевым моментом идеи обязанности, как в праве, так и в морали, является то, что она регулирует поведение, предписывая определенные действия

или воздержание от них. Так, обязанность уплатить определенную сумму денег означает, по сути, сам акт платежа, подразумеваемый обязанностью.

Однако «направленность на действие» не обязательно должна быть фактическим действием, то есть тем, что происходит в настоящем или непременно произойдет в будущем. Достаточно лишь *допустить*, что оно произойдет. Обязанность может возникнуть даже в том случае, если обязанное лицо умерло до того, как успело ее выполнить. Это показывает, что как сама обязанность (как указывающая сущность), так и предписанное действие (как указываемая сущность) не обязательно представляет собой эмпирические факты, но могут быть лишь возможностями. И это не случайно: именно в этом и заключается цель обязанности – предписывать еще не совершенные действия и тем самым инициировать изменения. Тем не менее в отличие от самой обязанности, действие, на которое она направлена, предполагается как эмпирическое событие. Оно просто не обладает пропозициональным содержанием, но должно быть каким-то образом материализовано. Если А должен В определенную сумму денег, недостаточно, чтобы А просто «представил себе» эту выплату, он должен реально произвести платеж. Таким образом, исполнение обязанности предполагает наличие эмпирических фактов, которые и составляют соответствующее поведение. Поэтому необходимо различать указание на действие (*reference to action*) и указанное действие (*“referred-to” action*). Первое состоит из пропозиционального содержания, второе, предположительно, из эмпирических фактов.

Эти факты могут оказаться вовсе невыполнимыми, например, когда требуется передать такое количество золота, которого не существует. В подобных случаях вопрос о действительности обязанности решается исключительно в рамках позитивного права: будет ли такая обязанность признана ничтожной (в духе принципа *Impossibulum nulla est obligatio*³) или, напротив, сочтена юридически действительной. Но в обоих случаях сохраняется указание на действие, а значит, этот признак обязанности остается в силе. Следовательно, вопрос о том, являются ли невозможные обязанности все же обязанностями, несмотря на их онтологическую проблематичность, разрешается не философски, а юридически, в рамках позитивного права.

Тем не менее важно отметить следующее: даже невозможная обязанность может быть классифицирована как обязанность (хотя, возможно, и как недействительная). Это неудивительно, поскольку даже невозможное действие может быть обозначено и, следовательно, может выступать содержанием обязанности. Благодаря своей онтологической идеальности, такое указание не ограничено физической реализуемостью. Обязанность может отсылать как к возможным, так и к невозможным, как к тривиальным, так и к значимым, как к мыслимым, так и к немислимым действиям.

Во-вторых, необходимо четко различать два случая: невозможность предписанного действия и отсутствие какого-либо указания на действие вообще, хотя в обоих случаях реализация предписания невозможна. Только в первом случае речь идет об обязанности. Во втором – говорить об обязанности нельзя вовсе. К примеру, обещание построить ракету, способную преодолеть скорость света, несмотря на невозможность его исполнения, все же порождает обязанность. Напротив, простое указание на ракету, которая могла бы преодолеть скорость света, не может считаться обязанностью, поскольку не содержит указания на действие. Простое описание объекта или положения дел (без ориентации на действие) не способно породить обязанность.

При этом указание на действие может быть как прямым, так и косвенным. Указание является прямым, если само действие прямо названо или описано в содержании обязанности (например: «Построй ракету!»). Оно является косвенным, если в формулировке обязанности не указано конкретное действие, а вместо этого содержится требование обеспечить или поддерживать определенное положение дел. В этом случае должны быть предприняты все меры, необходимые для достижения или поддержания указанного положения дел. Например, арендатор помещения может взять на себя обязанность поддерживать чистоту на улице. Хотя в самой формулировке не говорится о необходимости убирать снег или собирать мусор, такие действия вытекают из более общей обязанности, поскольку без них она не может быть исполнена. Таким образом, обязанность может указывать на действие опосредованно – через описание состояния, которое должно быть достигнуто или сохранено.

³Corpus Iuris Civilis, D.50.17.185.

Поскольку ничто не ограничивает способность обязанности указывать на действия, возможное содержание обязанностей может быть весьма разнообразным. В рамках самого понятия обязанности почти любое действие может стать ее объектом. Теоретически допустимы даже обязанности, относящиеся к прошлым положениям дел, или согласие на исполнение обязанностей в отдаленных частях Вселенной. Аналогично, с точки зрения понятия обязанности, не имеет значения, является ли предписанное поведение выгодным или обременительным для обязанного лица. Хотя на практике обязанности, как правило, воспринимаются как обременение, поскольку от обязанного лица требуется совершить определенное действие, оно может полностью совпадать с его собственными желаниями. Так, например, лицо может быть обязано покинуть рабочее место в определенное время, именно тогда, когда оно и так собиралось это сделать.

Единственное неизбежное бремя, связанное с любой обязанностью, – это ограничение автономии обязанного лица. Как только возникает обязанность, субъект оказывается в ситуации, где некоторые из его потенциальных действий будут ее нарушать. Избежать того, чтобы последствия его поступков попадали под нормативное регулирование, становится невозможно. Соответственно, варианты выбора, доступные субъекту при наличии обязанности, отличаются от тех, что были бы возможны при ее отсутствии. Но это ограничение касается *решений*, которые обязанное лицо может принимать, а не *содержания* самой обязанности.

Содержанием обязанности может быть любое действие, которое может быть помыслено, то есть быть объектом мысли. Именно законодателю предоставлена свобода определять, какие обязанности предусмотреть, а какие исключить. Онтология обязанности его не ограничивает, а напротив, помогает понять широту возможностей, которые ему предоставлены.

2.3. Указание на обязанное лицо

Действие предполагает наличие субъекта, который его совершает. Именно поэтому обязанность отсылает не только к действию, но и к лицу, которое должно его совершить. В большинстве случаев обязанность прямо указывает на такого субъекта: продавец или покупатель, водитель или пешеход, государство или граждане. Однако отсылка к лицу может быть и косвенной, если не возникает сомнений в том, кто должен выполнить предписанное действие. Например, дорожный знак, указывающий на максимально допустимую скорость, адресован всем водителям, при этом нет необходимости указывать каждого из них поименно. Достаточно того, что знак фиксирует ограничение скорости, тем самым опосредованно отсылая к тем, кто должен его соблюдать.

Обязанное лицо не обязательно должно быть физическим лицом, им может быть и юридическое лицо, например, корпорация или государство. Достаточно, чтобы оно воспринималось как способное к действию. В противном случае, отсылка к действию будет неполной: не будет ясно, кто именно должен его совершить. Более того, лицо, к которому отсылает обязанность, не обязательно должно реально существовать. Законодатель может сформулировать обязанности для будущих корпораций, которых пока не существует, поскольку ни одна из них еще не достигла требуемого размера. Такие обязанности могут быть прагматически нерелевантными, если они не оказывают (и не будут оказывать) влияния на чье-либо поведение. Тем не менее обязанности подобного рода могут быть установлены, например, с целью воспрепятствования самому факту возникновения подобных корпораций.

Аналогично, для существования обязанности не имеет значения, способно ли указанное лицо к действию здесь и сейчас. Обязанность может быть возложена на основании ошибочного представления о дееспособности обязанного лица. Например, юридическое лицо ввиду ошибки в его учредительных документах, может не иметь уполномоченного представителя, и, следовательно, быть недееспособным. Архаичская правовая система могла бы, в том же духе, возлагать обязанности даже на животных, если бы посчитала их способными к исполнению.

Эта открытость возможна благодаря онтологической идеальности обязанности, которая не зависит от эмпирической реальности. Достаточно, чтобы обязанность была сформулирована на основании предположения, что существует дееспособное обязанное лицо. Если же такое предположение отсутствует, то есть если даже, с точки зрения права, невозможно установить ее адресата, обязанности как таковой не существует. В лучшем случае остается лишь пожелание, чтобы нечто

произошло. Например, утверждение, что солнце будет светить весь день, – это не обязанность, поскольку оно ни прямо, ни косвенно не отсылает к субъекту, который должен обеспечить это свечение. Точно так же утверждение, что лицо *P* заслуживает денег, не создает обязанности, если не указано, кто именно должен эти деньги ему выплатить. Указание на обязанное лицо, таким образом, является неотъемлемым элементом обязанности.

Это указание предполагает признание лица дееспособным. Поскольку обязанности, как правило, связаны с ограничением автономии обязанного лица, это признание часто остается незамеченным, но оно принципиально важно. Ибо существует важное различие между ситуацией, когда лицо просто подвергается воздействию нормы, и ситуацией, когда оно признается ее адресатом. Например, есть разница между конфискацией имущества государством и предписанием передать это имущество государству. Только во втором случае речь идет о действии человека, направленном на исполнение обязанности. В первом же случае норма реализуется без участия субъекта. Иметь юридическую обязанность означает, что с точки зрения права человек выступает не как пассивный объект, подверженный действию нормы, а как субъект, которому норма адресована. Способность быть обязанным включает в себя, по крайней мере, признание способности к действию, – такой же фундаментальной, как широко обсуждаемая в юридической литературе способность иметь права [21, p. 199; 22, p. 176].

Более того, отсылка к дееспособному лицу, не требует наличия дополнительных характеристик. В частности, не обязательно, чтобы обязанное лицо знало о своей обязанности. Ведь вполне возможно указать на субъекта, не предупреждая его об этом. В целях удобства закон может предусмотреть, что некоторые обязанности возникают лишь при условии осведомленности лица. Но такое благоразумное решение применимо лишь к отдельным обязанностям, и оно не объясняет, почему неизвестные обязанности в принципе невозможны. Если бы было иначе, регулятивный потенциал права, оказался бы серьезно ограничен.

2.4. Нормативность

Заключительным элементом, без которого не может обойтись ни одна юридическая обязанность, является нормативное требование, что действие будет выполнено в соответствии с законом. Это связано с тем, что обязанности – это не описания того, что *может* или *скорее всего* произойдет, а указания на то, что *должно* произойти. Именно поэтому обязанности содержат деонтические операторы, такие как «должен» или «обязан», которые превращают указание на положение дел в нормативное требование. По этой причине обязанности иногда даже отождествляются с «понятием должностояния в узком смысле» [2, p. 169]. Это краткое определение точно указывает на то, что ядром понятия обязанности является нормативное требование, и именно оно содержит все самое важное в обязанности. Сказать, что лицо *P* обязано совершить действие ϕ , означает, что *P* должно совершить ϕ , а не то, что действия *P* могут быть эмпирически подтверждены фактами. Юридические обязанности отличаются от других лишь тем, что нормативное требование является по сути юридическим. То есть в данном случае именно само право требует от *P* совершить ϕ .

Несмотря на свою нормативную природу, юридические обязанности почти всегда возникают на основании позитивных актов, таких как принятие закона или заключение договора. Эти акты могут создавать обязанности, но в силу своей эмпирической природы не тождественны им. Они касаются процесса создания норм, а не самой обязанности как результата этого процесса. И это не случайно: никакое описание эмпирической реальности не может само по себе доказать существование определенной обязанности. *Высказывание* «*A* должен сделать ϕ !», будучи эмпирическим фактом, отличается от *пропозиции* «*A* должен сделать ϕ !», поскольку только первое локализовано во времени и в пространстве. Акт создания нормы просто утверждает, что существует определенная обязанность. Но утверждение о существовании обязанности не тождественно ее действительному существованию: как и любое другое утверждение, оно может оказаться неверным. Следовательно, для того чтобы обязанность действительно существовала, необходимо не только наличие эмпирического факта (например, речевого акта), но и наличие оснований, оправдывающих нормативное требование. Только тогда можно утверждать, что человек действительно обязан, а не просто считается обязанным.

С помощью нормативного требования можно, вопреки Г.Л.А. Харту, различать ситуацию, когда лицо обязано, и когда оно лишь вынуждено что-то сделать, причем без обращения к идее системы правил, как это делал Харт [10, р. 98]. В первом случае речь идет о нормативном требовании, согласно которому предписанное действие должно быть выполнено обязанным лицом. Во втором случае такого требования нет. Есть лишь фактические обстоятельства, делающие невыполнение действия нецелесообразным (например, из-за угрозы применения физической силы). И хотя обе ситуации можно совместить так, чтобы лицо было не только вынуждено, но и обязано, это не обязательно. Так, человек может быть вынужден из-за природных условий носить зимой теплую одежду, но с нормативной точки зрения он свободен этого не делать. Здесь у него нет обязанности.

Нормативное требование может быть либо действительным, либо недействительным, в зависимости от того, действительна ли сама обязанность. Действительная юридическая обязанность обычно основывается на нормативной силе института, который ее устанавливает. Интересно, что отсутствие полномочий создать обязанность может означать лишь то, сформулированная обязанность не становится действительной, но не исключает самого факта ее существования. Даже недействительная обязанность остается обязанностью, а не приводит к ее отсутствию. Ведь она содержит, по крайней мере, претензию на нормативное требование, адресованное конкретному лицу, даже если это требование недействительно в силу того, что у установившего его органа не было необходимых полномочий, или в силу нарушения других условий юридической действительности. Именно поэтому важно спрашивать не только о том, существует ли обязанность, но и о том, действительна ли она, то есть должна ли она действительно исполняться.

В качестве иллюстрации можно обратиться к широко обсуждаемому примеру с вооруженным грабителем, кричащим «Кошелек или жизнь!». Споры о том, возникает ли в этой ситуации обязанность [11, р. 80; 18, р. 70], во многом связаны с неопределенностью такого высказывания. Если под «Кошелек или жизнь!» понимать, что жертва должна отдать деньги грабителю, а в случае отказа будет наказана, то мы имеем дело с обязанностью, пусть и явно недействительной. Факт того, что у грабителя нет нормативных полномочий, не отменяет сам факт существования обязанности. При такой интерпретации он по меньшей мере утверждает, что обязанность существует. И этого достаточно для того, чтобы говорить о (недействительной) обязанности.

С другой стороны, это высказывание может трактоваться как предоставление выбора без нормативного требования. В таком случае, даже с точки зрения самого грабителя, все зависит от решения жертвы (отдаст она деньги или нет), но в случае отказа наступят серьезные последствия. Однако никакого требования здесь не выдвигается. При такой интерпретации обязанности не существует вовсе. Жертва свободна решать, и побуждается к действию «исключительно» внешними обстоятельствами. Поскольку грабитель не обладает правом устанавливать юридически действительные обязанности, с точки зрения права не имеет значения, интерпретируем ли мы его высказывание как попытку создать обязанность или как простую угрозу применить насилие – в любом случае действительной обязанности не возникает. Следовательно, выполнение приказа грабителя определяется не его словами, а убедительностью его угрозы.

Тем не менее сама путаница в том, считать ли жертву вынужденной или также обязанной, показывает важность различия между обязанностью просто недействительной и не существующей вовсе – различия, которое стирается, если отождествлять существование нормы с ее действительностью [16, р. 9]. Нормативное требование необходимо для существования обязанности, но вопрос о ее действительности – это уже отдельный контингентный вопрос, связанный, в частности, с тем, обладал ли субъект правом создавать такую обязанность. Так, обязанность может быть недействительной, но при этом существовать. Это наглядно демонстрирует, например, то обстоятельство, что даже неконституционные обязанности становятся объектом интенсивных дискуссий. Напротив, обязанностей без нормативного требования быть не может: утверждение о положении дел без такого требования будет всего лишь описанием или пожеланием, но не обязанностью.

Различию между недействительными обязанностями и отсутствием обязанностей долгое время игнорировалось, поскольку основное внимание уделялось вопросу об источнике действительных обязанностей: можно ли проследить нормы права до социальных фактов или же они должны быть основаны на морали [8; 14, р. 24]. Однако этот спор заслоняет не менее важный вопрос: могут ли

социальные факты порождать недействительные обязанности? Ведь даже если нет юридического источника, такие обязанности все же могут возникать.

Пример с вооруженным грабителем это иллюстрирует. Угроза (грабителя) предполагает: а) действие (передачу денег), б) дееспособное лицо (жертву), и с) нормативное требование (что деньги должны быть переданы). Просто указать на то, что действия грабителя незаконны, или что он, возможно, устанавливает недействительные обязанности, недостаточно для опровержения. То же самое касается незаконных договорных обязательств: их можно понять только при условии, что мы воспринимаем их как обязанности, которые претендуют на юридическую силу, но при этом нарушают право. Все это было бы непостижимо, если бы мы полагали, что недействительные обязанности вообще не являются обязанностями. Таким образом, для существования обязанности недостаточно, чтобы ее нормативное требование было действительно, но наличие самого нормативного требования обязательно.

Можно возразить, что если иметь обязанность ϕ есть то же самое, что должно быть выполнено ϕ , то при недействительности обязанности этого «должно» как бы нет. Следовательно, либо эквивалентность нарушается, либо недействительная обязанность – вовсе не обязанность. Чтобы разрешить это противоречие, необходимо разграничить пропозициональное содержание обязанности и условия ее истинности. Если существует обязанность ϕ , то должно быть хотя бы утверждение, что кто-то должен выполнить ϕ . Это относится к пропозициональному содержанию. Но из этого еще не следует, что кто-то действительно должен выполнить ϕ . Закон обычно требует выполнения множества дополнительных действий. В то же время, иметь недействительную обязанность – это не то же самое, что не быть обязанным, это значит – ошибочно считаться обязанным. Следовательно, даже недействительная обязанность содержат нормативное требование, пусть и недействительное, согласно которому лицо должно выполнить ϕ .

Юридические обязанности отличаются от всех других именно тем, что их нормативное требование имеет юридическую природу. Это означает не только то, что требование основано на праве, но и то, что его смысл определяется правом. Обычно это включает в себя возможность судебного принуждения. Юридический источник нормативного требования может быть разным: закон, индивидуальное предписание или обычай. Но результат всегда один: определенное действие предписано правом. Причем это требование – категорическое, «все или ничего», в отличие от требований морали или обычая. Так, моральное требование соблюдать скоростной режим слабее, чем обязанность кормить своих детей. В то же время обе эти обязанности в равной степени могут быть юридическими.

Интересно, что все прочие свойства моральных и юридических обязанностей, кроме нормативного требования, могут совпадать. Обе категории могут отсылать к действиям и субъектам. Но не содержание и не субъект, а именно юридический характер требования делает обязанность юридической. Что отличает угрозу вооруженного грабителя от приказа полицейского, так это не само действие (в обоих случаях это может быть передача денег) и не адресат (возможно, это один и тот же человек), а то, что грабитель либо не делает попытки сформулировать юридическое требование, либо он просто не способен это сделать.

3. Необязательные признаки

Анализ недействительных обязанностей показал, что многие их свойства, такие как, например, «большой вес», являются контингентными, то есть могли бы быть иными. Следовательно, их можно исключить из общего анализа. Напротив, следует сосредоточиться на тех свойствах, о которых сложно сказать, насколько они необходимы.

3.1. Указание на лицо, имеющее право требовать исполнения обязанности

Одним из признаков, который может оказаться необходимым для существования обязанности, является указание на лицо, в интересах которого обязанность должна быть исполнена. В большинстве случаев обязанность действительно исполняется в чьих-то интересах, как правила, в интересах тех, кто заинтересован в ее исполнении. Если A обязан выплатить деньги B , то B – это тот, в интересах кого совершается исполнение. В отсутствии такого лица возникновение обязанности кажется

необоснованным: непонятно, ради кого она существует. В этом смысле обязанности без таких лиц кажутся на первый взгляд странными.

Однако из того, что большинство обязанностей действительно предполагают тех, в интересах которых они должны исполняться, не следует, что все обязанности имеют такого адресата. Напротив, можно представить ситуацию, в которой лицо обязано совершить определенное действие, не будучи никому должным. Например, может существовать обязанность не загрязнять окружающую среду, основанная на том, что загрязнение считается неэтичным. В таком случае у такой обязанности нет конкретного адресата, если только окружающая среда не воспринимается как субъект, в интересах которого она должна исполняться. Тем не менее закон может предусматривать такую обязанность и наделить соответствующие органы полномочиями по контролю за ее исполнением. Но обеспечить исполнение обязанности и быть адресатом обязанности – разные вещи. Здесь возникает два вопроса, на которые сложно ответить единообразно. Первый заключается в том, кто может обеспечить исполнение обязанности, а второй – в чьих интересах осуществляется ее исполнение. Поэтому даже если государство является таким институтом, это не означает, что именно в его интересах обязанности будут исполняться.

Рассмотрим следующий пример: учителя или родителя обязаны согласно закону заботиться о несовершеннолетних детях. Исполнение обязанности здесь осуществляется в интересах ребенка, но поскольку он сам не может обеспечить ее исполнение, этим должны заниматься родители. Однако от этого не изменяется тот факт, что обязанность адресована ребенку, а не родителям. Точно так же из того, что государство обеспечивает исполнение обязанности не загрязнять окружающую среду, не следует, что эта обязанность адресована самому государству.

Вопрос о возможности обязанности без адресата встречается не только в праве, но и в практической философии. Так, Кант утверждал, что обязанность всегда кому-то адресована [15, р. 442]. Интересно, что этого взгляда можно придерживаться в сфере морали, при этом не соглашаясь с ним в сфере права: даже если моральная обязанность всегда имеет адресата, правовая система может его не признавать по институциональным причинам, которые не имеют значения в морали. Так, правовая система может ограничить число возможных адресатов, чтобы сократить число судебных исков. В этом случае она признает приоритетными только те обязанностями, которые соответствуют интересам ограниченного круга лиц. В результате могут возникнуть юридические обязанности, которые не адресованы конкретному лицу, несмотря на то что соответствующие моральные обязанности ему адресованы.

Этот вывод можно дополнительно проиллюстрировать с помощью анализа причин юридических обязанностей. Как правило, за каждой обязанностью стоит определенная причина, объясняющая ее наличие. В противном случае обязанность была бы произвольной, а у законодателя отсутствовал бы мотив для ее установления. Следовательно, вопрос о том, должны ли обязанности предусматривать адресата, сводится к вопросу: требуют ли причины, лежащие в основании обязанности, чтобы она была адресована конкретному лицу или институту? Вряд ли ответ всегда будет утвердительным. Причины, способные обосновать установление той или иной обязанности, настолько разнообразны, что было бы странно полагать, будто они всегда предполагают наличие адресата. Так, градостроительные нормы и правила могут выступать эстетическими идеалами, без признания конкретного лица адресатом этих обязанностей. Их причина может состоять в достижении красоты как таковой. Такое объяснение может показаться кому-то нелиберальным [20, р. 84], но нельзя отрицать того, что эти обязанности согласуются с самим понятием обязанности.

Возможность таких юридических обязанностей также позволяет понять, почему могут существовать обязанности без соответствующего субъективного права [2, р. 171; 21, р. 199]. Ведь если нет адресата обязанности, то нет и того, чье право может быть нарушено. Поэтому в таких обязанностях, субъективное право, как правило, отсутствует. Тем не менее понятие обязанности не исключает возможности, когда юридическая обязанность никому не адресована, но соответствует субъективному праву лица ее установившего. Особенно наглядно это проявляется в обязанности не загрязнять окружающую среду: она не адресована конкретному лицу, но при этом устанавливается государством.

Таким образом, юридические обязанности могут существовать как с адресатом, так и без него. Нет оснований ограничивать понятие обязанности только одним вариантом. Именно эта открытость позволяет признать разнообразие обязанностей. Ведь устанавливая ли обязанности без адресата или нет – это не концептуальный вопрос, а решение законодателя.

3.2. Указание на лицо, установившее обязанность

Помимо лиц, на которых возложена обязанность, и лиц, в интересах которых она должна быть исполнена, есть еще и институт, который ее установил. Как правило, это – парламент, принимающий законы, или частные лица, заключающие договор. Это может создать впечатление, что обязанности существуют лишь постольку, поскольку их кто-то установил. Возникает вопрос: является ли факт искусственного создания обязанности необходимым ее признаком?

Позитивистские теории конвенциональности [18, р. 75] на первый взгляд могли бы поддержать этот тезис, поскольку они отрицают существование действительных естественных обязанностей. Однако здесь речь идет не о действительности, а о существовании обязанности. Вопрос состоит не в том, действительна ли она, а в том, перестала бы некая сущность быть обязанностью, если бы не была кем-то создана. Оснований считать, что это так, нет. Если выяснится, что обязанность не была создана (а, скажем, была дарована свыше), но все же включает в себя отсылку к действию, субъекту и нормативное требование, она сохраняет статус обязанности. Даже если бы она никогда не была закреплена в позитивном праве, но постоянно обсуждалась, она по-прежнему обладала бы пропозициональным содержанием: кто-то должен совершить определенное действие. С этой точки зрения, представление о естественных обязанностях не вызывает концептуальных трудностей даже с позиций позитивизма. Такие обязанности (пусть и спорные в плане действительности) концептуально возможны и потому подлежат обсуждению. Если бы для существования обязанности было необходимо, чтобы кто-то ее установил, само представление о естественных обязанностях было бы невыносимо. Но это не так. И неудивительно, что вопрос о создании обязанности – это вопрос о происхождении, а не о структуре. Наличие субъекта, устанавливающего обязанность, относится к первому, а потому без труда можно ответить на второй. Это означает, что создание обязанности каким-либо лицом или институтом не является необходимым признаком обязанности.

В некоторых случаях возможность существования обязанности без субъекта ее установившего выглядит, по крайней мере, правдоподобной. Рассмотрим, к примеру, вопрос о всеобщей обязанности подчиняться закону. Если такая обязанность существует, то она вытекает не из какого-либо нормативного акта, а из таких причин, как справедливость, уважение, равенство и т.д. [4] Было бы крайне сомнительно предполагать, что какое-либо лицо или институт может создать такую всеобщую обязанность, поскольку для этого они уже должны были бы опираться на закон, а значит, предполагать наличие обязанности ему подчиняться. Без такого предварительного признания сама возможность создавать юридические обязанности осталась бы непонятной: ведь непонятно, почему кто-то вообще должен подчиняться нормам, созданным другими.

Все это не означает, что существует действительная юридическая обязанность подчиняться закону. Тщательный анализ может привести к выводу, что ее нет. Однако важно другое: концептуально такая обязанность может существовать даже без субъекта ее создавшего. Следовательно, наличие субъекта, устанавливающего обязанность, не является необходимым признаком обязанности.

3.3. Санкционируемость

Последним признаком юридической обязанности, заслуживающим внимания, является санкционируемость. Еще Кант утверждал, что право связано с принуждением [15, р. 231]. Это означает, что не может существовать юридической обязанности без возможности санкции в широком смысле, то есть без возможности негативной реакции на ее неисполнение. Одним из доводов в пользу такой позиции является следующее соображение: обязанность без санкции – это не право, а замаскированная мораль [16, р. 2], поскольку исполнение такой обязанности полностью зависит от воли обязанного лица. Если право должно как-то воздействовать на поведение людей, то, как утверждают некоторые [13, р. 128], оно должно предусматривать санкцию.

Любопытно, что этот аргумент говорит не о невозможности существования обязанностей без санкции, а о том, что именно юридический характер якобы требует ее. Однако санкция не может быть необходимой составляющей обязанности, поскольку центральная идея обязанности заключается в том, что нечто должно быть совершено, независимо от правовых последствий его неисполнения. Может случиться так, что действие предписано, но его неисполнение не повлечет за собой никакой негативной реакции. При этом все прочие признаки обязанности (отсылка к действию, субъекту, нормативное требование) остаются в силе. Если бы невозможно было формулировать обязанности без санкции, то сама возможность предписания была бы существенно ограничена. В частности, в условиях, когда санкции невозможно реализовать физически (например, на смертном одре), обязанностей просто не могло бы быть. Но именно в таких обстоятельствах особенно необходимы такие обязанности как не убивать или не оскорблять.

Этот аргумент справедлив не только в отношении обязанностей вообще, но и в отношении юридических обязанностей, в частности. Сам по себе факт невозможности применения санкции не должен означать, что обязанность исчезает. Напротив, именно в тех ситуациях, когда невозможно опереться ни на что, кроме самой обязанности, идея того, что нечто должно быть совершено, приобретает особое значение. Разумеется, могут быть разумные причины не устанавливать юридические обязанности без санкций – они, в отличие от моральных, якобы не оказывают реального воздействия на поведение. Однако это не более чем практическое соображение, которое зависит, в том числе, от того, могут ли люди быть мотивированы самим фактом наличия у них юридической обязанности. По крайней мере, нельзя исключить *a priori*, что некоторые субъекты могут воспринимать факт правового предписания как уже достаточный мотив для действия. Следовательно, обязанности без санкций все же могут иметь практическое значение. Законодатель может установить такую обязанность даже в чисто символических целях, несмотря на отсутствие возможности наказать за ее неисполнение. Таким образом, возможность санкции не является необходимым признаком юридической обязанности.

Даже если бы мы признали, что все юридические обязанности на практике санкционируются, это не сделало бы санкционируемость сущностным признаком, то есть свойством, благодаря которому нечто является обязанностью. Ведь нормативное требование не зависит от наличия санкции. В общем, не всякий необходимый признак является сущностным [5, р. 4]. Понятие может определяться через небольшое число признаков, при наличии которых возникает та или иная сущность, в то время как дополнительные признаки могут неизбежно появиться после основных. Если это так, существует такой признак, который, несмотря на свою необходимость, не является сущностным, поскольку он не относится к числу определяющих.

В таком случае, можно утверждать, что всякая юридическая обязанность создается человеком, и что необходимым условием этого является то, что создавшие ее лица были рождены. Но само по себе рождение этих лиц не является сущностным признаком обязанности, поскольку оно не входит в значение этого понятия и не соотносится с ним. Обязанность не становится таковой, потому что ее установили живые люди. Точно так же санкционируемость не делает обязанность обязанностью, а может быть лишь ее следствием. Следовательно, возможность санкционирования не входит в понятие обязанности, даже если она часто с ним связана. Мы легко можем помыслить обязанности без санкции, но не можем представить обязанности без отсылки к действию или субъекту. Это показывает, что в отличие от действия и субъекта, санкционируемость не принадлежит к определяющим признакам обязанности.

4. Заключение

Если приведенный выше анализ верен, то для того, чтобы норма содержала обязанность, требуется совсем немного. Обязанность существует тогда, когда есть отсылка к действию, отсылка к субъекту и нормативное требование, адресующее этому субъекту необходимость совершить данное действие. Эти три элемента и составляют суть обязанности. С их помощью можно отличить обязанности от простых описаний фактического положения дел, а также отличить их от ситуаций вынужденности. Физическая сила или угроза ее применения могут сопровождать обязанность и тем самым создавать ситуацию вынужденности. Но они не являются необходимыми элементами

обязанности, поскольку право может ограничиться лишь нормативным предписанием, не предусматривая санкции для его обеспечения.

Подобное минималистское понимание обязанности имеет то преимущество, что оно охватывает большое разнообразие существующих и исторических форм юридических обязанностей и делает их сопоставимыми. Она позволяет задать важные вопросы: почему в одних случаях обязанность адресована конкретному лицу, а в других – нет? почему в одних случаях она основывается на решении субъекта, установившего обязанность, а в других – возникает независимо от чьей-либо воли? и т.д.

Но, пожалуй, главное достоинство такой характеристики в том, что она проясняет, что обязанности – это не материальные и не нематериальные вещи, а онтологически идеальные положения дел. Иметь обязанность есть не что иное, как быть обязанным. Отсюда следует, что любые аналогии между юридическими обязанностями и физическими объектами (как это часто случается, например, в дискуссиях о «приобретении» или «уничтожении» обязанности) должны либо избегаться, либо трактоваться лишь как метафоры.

Лоренц Кэлер, құқық докторы, философия докторы, Бремен университетінің құқық факультетінің профессоры (Бремен, Германия): Құқықтық міндетті минималистік түсіну туралы.

Мақалада құқықтық міндеттің минималистік ұғымы ұсынылады. Бұл ұғым лингвистикалық немесе догматикалық тәсілдерге емес, әмбебап негіздерге сүйенетін рационалды реконструкцияға негізделген. Автор құқықтық міндеттің үш қажетті белгісін айқындайды: әрекетке сілтеме, міндетті тұрағын көрсету және нормативтік талаптың болуы. Аталған белгілер міндеттерді фактілер сипаттамасынан және мәжбүрлеу жағдайларынан ажыратуға мүмкіндік береді. Мақалада сондай-ақ, адресаттың болуы, міндетті субъектінің міндетті белгілеуі немесе санкция қолдану мүмкіндігі сияқты сипаттардың міндет үшін жиі кездесетін, бірақ қажетті емес екенін автор негіздейді. Мұндай тәсіл құқықтық құбылыстардың кең аясын қамтуға және артық метафизикалық алғышарттардан арылуға мүмкіндік береді. Міндеттер онтологиялық тұрғыдан идеалдық мәндер ретінде түсіндіріледі және оларды физикалық объектілерге теңеуге болмайды.

Түйінді сөздер: құқықтық міндет, онтологиялық идеалдылық, нормативтік талап, міндетті тұлға, әрекет, санкциялану мүмкіндігі, табиғи міндеттер, позитивтік құқық, тұжырымдамалық талдау.

Lorenz Kaehler, PhD in Law, PhD in Philosophy, Professor, Law Faculty, University of Bremen (Bremen, Germany): Towards a Minimal Concept of Legal Obligation.

The article presents a minimalist concept of legal obligation based not on linguistic or dogmatic analysis but on a reason-based reconstruction rooted in generally applicable grounds. The author identifies three necessary features of a legal obligation: reference to an action, reference to an obligated person, and the presence of a normative requirement. These features distinguish obligations from factual descriptions and situations of coercion. The article argues that common features such as the presence of an obligee, the existence of an obligating person, or the availability of sanctions are not necessary. This conceptual economy allows for a broader and more inclusive understanding of obligations across different legal systems. Obligations are presented as ontologically ideal entities, irreducible to physical objects.

Keywords: legal obligation, ontological ideality, normative requirement, obligated person, action, sanctionability, natural obligations, positive law, conceptual analysis.

Список литературы:

1. Berto F., Plebani M. *Ontology and Metaontology*. London: Bloomsbury, 2015.
2. Bierling E.R. *Juristische Prinzipienlehre*. Volume 1. Freiburg/Leipzig: Mohr Siebeck, 1894.
3. Carnap R. *Meaning and Necessity*. Second Edition. University of Chicago Press, 1956.
4. Dagger R., Lefkowitz D. *Political Obligation*. The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Edward N. Zalta (ed.). 2021. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/political-obligation> (02.03.2025).
5. Fine K. *Essence and Modality*. *Philosophical Perspectives*. 1994. Vol. 8. P. 1–16.
6. Finnis J. *Natural Law and Natural Rights*. Oxford University Press, 1980.
7. Frege G. *Der Gedanke: einelogische Untersuchung*. *Beiträge zur Philosophie des deutschen Idea-*

lismus. 1918. Vol. 1. P. 58–77.

8. Green L., Adams T. Legal Positivism. The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Edward N. Zalta (ed.). 2019. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/legal-positivism/#Bib> (02.03.2025).

9. Hart H.L.A. Definition and Theory in Jurisprudence. Essays in Jurisprudence and Philosophy. Clarendon Press, 1983. P. 21–48.

10. Hart H.L.A. Legal and Moral Obligation. Essays in Moral Philosophy. Melden A. (ed.). University of Washington Press, 1958. P. 83–107.

11. Hart H.L.A. The Concept of Law. Oxford University Press, 1961.

12. Himma K.E. Morality and the Nature of Law. Oxford University Press, 2019.

13. Himma K.E. Coercion and the Nature of Law. Oxford University Press, 2020.

14. Kaehler L. Kelsen and the Problems of the Social Fact Thesis. Kelsenian Legal Science and the Nature of Law. Langford P., Bryan I., McGarry J. (eds). Springer, 2017. P. 23–42.

15. Kant I. Die Metaphysik der Sitten. Akademieausgabe (AA). Vol. 6. De Gruyter, 1968.

16. Kelsen H. Reine Rechtslehre. Second Edition. Verlag Österreich, 1960.

17. Mackor A.R. Legal Doctrine is a Non-normative Discipline: An Argument from Abstract Object Theory. Facts and Norms in Law: Interdisciplinary Reflections on Legal Method. Taekema S. et al. (eds.). Edward Elgar, 2016. P. 127–149.

18. Marmor A. Philosophy of Law. Princeton University Press, 2011.

19. Marmor A., Sarch A. The Nature of Law. The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Edward N. Zalta (ed.). 2019. URL <https://plato.stanford.edu/archives/fall2019/entries/lawphil-nature/> (02.03.2025).

20. Mill J.S. On Liberty. John Gray (ed.). Oxford University Press, 1991.

21. Raz J. On the Nature of Rights. Mind. 1984. Vol. XCIII. P. 194–214.

22. Raz J. The Morality of Freedom. Oxford University Press, 1986.

23. Rosen G., Falguera J.L., Martínez-Vidal C., Rosen G. Abstract Objects. The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Edward N. Zalta (ed.). 2021. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/abstract-objects/> (02.03.2025).

24. Williams B. Ethics and the Limits of Philosophy. Harvard University Press, 1985.

Для цитирования и библиографии: Кэлэр Л. О минималистском понимании юридической обязанности // Право и государство. № 2(107), 2025. – С. 44-59. DOI: 10.51634/2307-5201_2025_2_44

Материал поступил в редакцию 15.04.2025